

Б о л ь ш о й с ч е т

Конференция зрителей в Туркменском академическом театре драмы

Театральное искусство в нашей стране — могучее оружие идейного и эстетического воспитания советских людей; оно специфическими, свойственными только ему, художественными средствами несет в массы слово партии, утверждает новую жизнь, разоблачает и развенчивает тайных и явных врагов этой жизни, воспеивает любовь в Родине, учит бороться и побеждать. Вот почему оно, советское театральное искусство, так любимо нашим народом, вот почему наши люди так заинтересованы в его развитии, так радуются его успехам и принимают близко к сердцу неудачи.

Об этом говорил, открывая конференцию зрителей в Туркменском академическом театре драмы, народный артист Союза ССР Аман Кулыматов. Это звучало и во вступительном слове главного режиссера театра Я. Фельдмана, рассказавшего о спектаклях нового сезона и будущих работах. Этими мыслями были пронизаны выступления зрителей — участников конференции.

С начала нового сезона прошло не так уж много времени — два месяца. Если принять во внимание этот недолгий срок, то творческий коллектив академического театра драмы сделал многое: зритель увидел на его сцене четыре новых спектакля.

Ныне коллектив работает над расширением и обогащением своего репертуара. Здесь и «Легенда о любви» Н. Хикмета, и «Король Лир» В. Шекспира, и «Ответственный секретарь» Г. Мухтарова и К. Сейтлиева, и «Зоhre и Тахир» (по мотивам народного дестана). К соколателю Советской власти коллектив думает осуществить постановку «18 потопленных» К. Бурунова. Особое внимание творческий коллектив и руководство театром в новом году уделит расширению национального репертуара, укреплению связи с туркменскими драматургами. Сейчас для академического театра драмы пишут произведения Б. Пурилев, Б. Аманов, Г. Мухтаров, К. Сейтлиев, в портфеле дирекции имеются пьесы Н. Поима, Б. Сейтакова, К. Кулиева. Как видно, работа действительно немалая.

— Но мы знаем, что сделал и делает творческий коллектив театра, — говорит Я. Фельдман, — от вас, от наших зрителей, нам хотелось бы сегодня услышать — как мы это делаем, удовлетворяет ли вас увиденное на сцене, что вы желали бы посмотреть еще в нашем театре. Дифирамбы сегодня нам не нужны, хотелось бы прямого, честного, принципиального творческого разговора, который помог бы нашему коллективу яснее увидеть свои недостатки, постараться избавиться от них в своей дальнейшей работе.

И такой разговор состоялся. Молодые люди — студенты столичных вузов и техникумов (мы это особенно подчеркиваем, и скажем о причинах несколько ниже) — поднимались на трибуну и говорили горячо, взволнованно, иногда с горечью за неудачу полюбив-

шегося актера, иногда сбивчиво, неумело выражая свою мысль, но во всех выступлениях чувствовалась заинтересованность в судьбах любимого искусства.

Студент Туркменского государственного университета А. Байриев, говоря о бедности репертуара театра, справедливо заявил, что здесь следует подойти к вопросу шире — надо говорить о серьезном отставании туркменской советской драматургии, о неумении драматических писателей видеть в жизни острые конфликты, воплощать их в правдивые, глубокие по идее и совершенные по своим художественным достоинствам произведения.

А. Байриев говорил и о сырых, недоробоченных спектаклях театра.

— Однажды на постановке «Сердце не прощает», — заявил он, — я насчитал буквально 20 человек. Мне потом пытались объяснить, что этот спектакль идет давно, и в Ашхабаде его уже некому смотреть. Объяснение, по-моему, нелепое. Почему зритель, что называется, валом валит на «Немине», поставленный на сцене сотни раз, на спектакль «Кеймир Кер», идущий с 1940 года? Потому, думается, что эти сценические произведения волнуют зрителя, будят мысли и чувства, актеры живут на сцене. Пьеса «Сердце не прощает» не понята актерами, они «не загорелись» ею, поэтому ее не приняли и зрители.

О выдвинути талантливого театральной молодежи на ведущие роли в спектаклях говорила студентка медицинского института тов. Овезова. Ей запомнились образы Володи Ульянова в «Семье» и Джерен в «Веселом госте», созданные молодыми артистами Ходжамуратовым и Караевой, полюбились игра Х. Аннаматовой в роли Ариура («Овод»). И только. А молодежи в театре гораздо больше, но она пока не имела возможность в полную меру проявить себя.

Студент медицинского института тов. Мурриков поднял вопрос о так называемых «мелочах» в спектаклях театра, которые упускаются из виду режиссерами и актерами, но режут зрение и слух сидящих в зале, снижают впечатление от хороших в целом постановок. Так, артистка, играющая вторую жену бая — Джемиле (в «Бае и батраке») появляется на сцене... с напруженных чулках. Мелочь, конечно, но — нелепо, смешно, и во время драматической сцены в зале раздается смех. Наскоро наложенный и искажающий лицо актера грим, сползающие парики, отпадающие усы и бороды, нелепые костюмы, плохие декорации — все это снижает уровень спектаклей.

Серьезное замечание сделал тов. Мурриков по спектаклю «Кеймир Кер».

— Ситуация такова, — говорит он. — Кеймир Кер поднял народ против захватчицы Надири-шаха. Русская императрица Елизавета прислала повстанцам оружие. И повстанцы, по воле драматурга и режиссера, расценивают это,

как горячую симпатию и любовь правительницы России к туркменскому народу. Они славят ее, кричат: «Да здравствует русская царича!». Думается, трактовка этой сцены ошибочна. Императрица боялась усиления Надири-шаха, его нападений на пограничные города России, его разбоев на Каспии, и поэтому пользовалась любым случаем нанести ему урон. Вот почему она помогала Кеймиру Керу, а не потому, что воспылала вдруг любовью к туркменскому народу. Елизавета преследовала свои цели, а вовсе не боролась за освобождение туркмен, как это выглядит в данном эпизоде спектакля.

Серьезный упрек в слабой связи творческого коллектива со студенчеством сделал учащийся культпросветтехникума тов. Амангельдыев. Драматический кружок техникума, в котором он занимается, варится в собственном соку, артисты театра, несмотря на ряд пригласений, не идут к кружковцам — по мочу, проконсультировать.

Мы уже говорили, что на конференцию пришла в основном только молодежь — студенты вузов, учащиеся техникумов, молодые рабочие. Почему в зале не было туркменской интеллигенции — ученых, врачей, учителей, работников министерств и ведомств? Неужели они не заинтересованы в развитии театрального искусства республики, неужели только молодежь принимает близко к сердцу судьбы любимого искусства? Не может быть! Ведь на спектаклях бывают не только юноши и девушки, почему же на конференции только они говорили горячо и искренне? Может быть, виновно в этом руководство театра, не пославшее приглашений билетов? Но по городу расклеены афиши, они уже целую неделю приглашают принять участие в открытом разговоре в стенах театра, не заметить их было просто невозможно.

Но вот в Союз писателей билеты были посланы. Состоялся и короткий телефонный разговор главного режиссера Я. Фельдмана с ответственным секретарем правления Союза Б. Сейтаковым: «Приходите же, ждем!» — «Ждите, придем!»... И — не являясь. Был драматург Б. Пурилев — и только. А как много справедливых критики адресовали зрители писателям и драматургам, Союзу писателей, слабо руководящему творческой работой литераторов. Неужели это не интересно ни правление, ни самих писателей?

Не было на конференции и художников, и композиторов, мало пришло артистов других столичных театров.

Конференция зрителей — живое, творческое дело, великолепная форма общения театра со зрителем. И хорошее начинание Туркменского академического театра драмы следует горячо поддерживать. Министерство культуры Туркменистана должно в будущем учесть это, помочь театрам в том, что бы последующие конференции зрителей проходили более активно.